

МОРАЛЬ, ПОЛИТИКА, ОБЩЕСТВО

Л.Т. Рыскельдиева

О ДЕОНТОЛОГИИ, ДОЛЖЕНСТВОВАНИИ И ЭСТЕТИЗМЕ*

Рыскельдиева Лора Тураббековна – доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории государства и права. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Вернадского, д. 4; e-mail: ruskeldieval@gmail.com

Статья ставит вопрос о месте и роли долженствования в философском дискурсе. В работах классиков деонтологической мысли находим разные ответы на этот вопрос: Аристотель понимает *δέοντος* в самом широком контексте и стремится объединить «как положено» (правильное, заведенное, «горизонтальное») и «как должно» (соответствующее образцу, воле бога, «вертикальное»); в кантовском учении долг-*Pflicht* как вертикаль возвышает человека над самим собой; Дж. Бентам критикует идею долга как фикцию, должен-*ought to* как выражение насилия и закладывает основы консеквенциализма. Автор статьи выдвигает тезис о «неизбежности долженствования», то есть неустраимости его выражений из философского дискурса: они играют действенную роль, преобразуют мировоззрение в мироотношение, теорию в практику, дескрипцию в проскрипцию. В долженствовании бытия («должен быть») выражается тип мироотношения, который можно назвать *отвержением* и видеть в нем основу того, что П.П. Гайденко назвала «трагедией эстетизма», результатом созерцательно-теоретического отношения к миру. Оно свойственно современности, не отказывающейся от планов по преобразованию (а в наши дни технократической «пересборке») мира. Возможность такого мироотношения – отличительная черта европейской философии, фундированной непреодолимостью разрыва между сущим и должным. Долженствование действия («должен делать») связано с мироотношением как *принятием* и кардинально-позитивным решением проблемы соотношения «должен» и «могу».

Ключевые слова: долженствование, деонтология, философский дискурс, целепологание, Аристотель, И. Кант, Дж. Бентам, П.П. Гайденко, эстетизм, стоицизм, интеллектуальная революция

Для цитирования: *Рыскельдиева Л.Т.* О деонтологии, долженствовании и эстетизме // Философский журнал / Philosophy Journal. 2022. Т. 15. № 1. С. 147–160.

---

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00622 «Философия как действие: прагматика текстового поведения».

Введение

В разных языках и контекстах в наши дни заметны две тенденции. Первую я назову прагматическим критицизмом в отношении деонтологии и выражений долженствования; она воплощается в слогане «я никому ничего не должен» – так для увеличения продаж могут озаглавить, например, книгу, а фразу, как мантру, могут заставить повторять практикующие психологи, освобождающие клиента от ложного чувства долга, мешающего жить с удовольствием и достигать успеха. Этот «девиз» выражает редукцию долженствования к конвенциональным обязательствам, что вполне отвечает духу повсеместно победившего прагматизма, порой вульгарно понятого. Вторую свяжу с популярностью античного стоицизма и широкой волной его изучения, распространения и рецепции. Он предлагается как *life hack*, как массовое средство борьбы с пессимизмом, разочарованием в жизни и зачастую выражается стоическим (или рыцарским?) по духу девизом «делай, что должно, и будь, что будет».

Эти тенденции взаимосвязаны и выражают, с одной стороны, критический настрой по отношению к умозрительности академической философии и потребность в практических импликациях философского знания, а с другой, господствующий в наши дни тип мировоззрения, а точнее, мироотношения, который П.П. Гайденко в свое время назвала «эстетизмом». Почему эти тенденции выражаются с помощью долженствования? Как связаны долженствование и практическая философия? К кому обращены выражения долженствования? Существует ли в наши дни деонтология?

Деонтология в истории философии

На современное понимание смысла проблемы и на способ употребления должного в качестве понятия повлияли классики деонтологической мысли: Аристотель, И. Кант и Дж. Бентам, сформулировавшие три разных подхода к пониманию должного и долга.

Аристотель

А.В. Лебедев, называя этику Аристотеля антропологической и находя в Шестой книге «Никомаховой этики» стирание различий между добродетелями этическими и дианоэтическими (“...*agathos* and *phronimos* become interchangeable notions”)¹, говорит о том, что в EN 6 Стагирит создает «моральную психологию». Если принять этот тезис, то можно сказать, что на страницах текста «Никомаховой этики» в виртуальном противостоянии

¹ Lebedev A.V. Aristotle against Aristotle? The Reconsideration of the Theory of moral Virtue in EN 6 // Proceedings of the 1st International Conference: «Ethics and Politics» (24–28 May 2006, Venetian Basilica of St. Mark, Heraklion, Crete, Greece). URL: <http://www.poeinkaiprattein.org/philosophy/philosophy-challenging-usual-equations-of-ethics-and-politics/abstracts-2/> (дата обращения: 15.07.2021).

Сократа и Протагора в данном случае верх одерживает последний. Кроме того, в этом обстоятельстве можно увидеть продолжение внутренней интриги греческой философии, восходящей, по А.В. Лебедеву, к двум истокам – италийскому метафизическому дуализму («монотеистическая теология западной Греции») и ионийскому натуралистическому монизму, военно-патриотической, нравственной настроенности пифагореизма италийцев и теоретической, исследовательской устремленности ионийцев².

Принято считать, что в «Никомаховой этике» Аристотель заложил основы деонтологии, используя слово *δέον* (*deon*) в значении нужного, должного, надлежащего, необходимого³. В известном пассаже в начале EN (1094a25) речь идет о познании «должного» как о мишени для стрелка, как о цели поиска высшего блага и о необходимости представить себе, что это такое. Дальнейший текст Стагирита – это рассуждения и том, что такое благо (*tagathon, to ariston*), и как его можно достичь. О каком должном здесь идет речь?

В самом распространенном сейчас академическом русском издании EN (перевод Н.В. Брагинской)⁴ выражения с корнем *δεω* (*deo*) переданы по-разному: прежде всего, «как следует» и «как должно». Например, когда речь идет о крайностях «гневливости» и «безгневноности» («...гнев бывает и против тех, против кого не следует, и против того, против чего не следует...» (1126a10)), «то, что следует» относится к вещам окружающей действительности, к выбору правильного, подходящего объекта гнева. А когда речь идет о добродетелях, о том, как они действуют («...настраивают нас вести себя как должно» (1125b5)), то «как должно» относится к некоему образцу поведения, сверяясь с которым можно понять, что такое добродетель вообще. Если здесь действительно есть смысловая разница, то «как должно» – дань платонизму и его пифагорейским корням, тому, что идет «сверху», от Разума-Бога, из «вертикального» различения сущего и должного. Однако, как отмечал В.П. Зубов, у Аристотеля, ученика Платона, не было его ригоризма⁵, то есть Аристотелево «как следует» – из горизонтального различения правильного и неправильного, подходящего и неподходящего, когда правильно все, что идет как положено, как здесь заведено и определено, по достоинству, наилучшим образом. Значит, *δέοντος* (*deontos*) Аристотеля имеет оба эти смысловые оттенка, а их единство – залог того, что результатом добро-детели или «доброделания» будет именно благо (*ἀρετή*), причем не только и столько «вообще» (*ἀπλόος*), но и в каждом отдельном случае, когда надо знать и соблюдать меру.

Кому адресованы эти рассуждения? EN – это запись лекций Аристотеля, текст и теоретический, и практический, а Стагирит здесь не только объясняет, но и советует: «Итак, поскольку нынешние [наши] занятия не [ставят себе], как другие, цель [только] созерцания (мы ведь проводим исследование не затем, чтобы знать, что такое добродетель, а чтобы стать

² *Lebedev A.V. Idealism (mentalism) in Early Greek metaphysics and philosophical theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and others (with some remarks on the «Gigantomachia about being» in Plato's Sophist // Indo-European Linguistics and Classical Philology. 2019. Vol. XXIII. Pt. 2. P. 651–705.*

³ *δεω* – глагол в значении «сковывать», «связывать», а также «ощущать нужду», «испытывать недостаток» (словарь И.Х. Дворецкого).

⁴ *Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1984. С. 53–295.*

⁵ *Зубов В.П. Аристотель. М., 2000. С. 107.*

добродетельным, иначе от этой [науки] не было бы никакого проку), постольку необходимо внимательно рассмотреть то, что относится к поступкам, а именно, как следует поступать» (EN II 1, 1103 b 30). Однако эти рассуждения не могут быть понятными всем! Решая вопрос о том, с чего начинать рассуждения о благе-счастье, Аристотель выбирает «начинать с известного нам», стало быть, чтобы «сделаться достойным слушателем» этих рассуждений, «нужно быть уже хорошо воспитанным в нравственном смысле» (1095b5). Ведь чтобы находить необходимую «середину» и быть, например, мужественным, надо уже уметь различать крайности безрассудства и трусости. Другими словами, EN написана Аристотелем для «мы», для круга тех Своих, кто разделяет с ним надежду на возможность общей добродетельной жизни, или, как выразился Р.Г. Апресян, «...благорасположение к Другому Аристотель считал возможным главным образом между близкими (духовно близкими) людьми. Аристотелевский альтруизм – неуниверсальный...»⁶.

Итак, идея должного Стагириту была вполне ясна, в ней – ответ на вопрос о том, *что должен делать каждый, чтобы все было так, как должно быть*. Она выражает идеал полисной «койнонии», общины «своих», счастливо, добродетельно, разумно живущих свободных граждан, соединяемых не кровными узами, а истинной дружбой, которая может позволить в счастливом будущем этого идеала достичь. Эта «дружба разумных» – утраченный ныне идеал, вызывающий у нас «ностальгию по будущему», по желанному и понятному городу-обществу-общности, в котором возможна, как сейчас говорят, «успешная коммуникация», который уже нельзя сравнить с мегаполисом и смысл которого в наши дни близок и ясен только гражданам современного формата “*Republic of Letters*”. В какой степени этот формат отличается от полисного содружества «любящих мудрость», а мы – от слушателей Аристотеля, есть ли что-то общее между афинским симпозионом и регулярными Всемирными философскими конгрессами?

И. Кант

Учение о долге И. Канта есть чистый случай «долженствования действия» как результат отрицания самой возможности связи деонтологии с онтологией или, по выражению Э.Ю. Соловьева, как стремление «различить должное (безусловно-обязательное для личности) и долженствующее иметь место в будущем (особое измерение сущего)»⁷. Весь пресловутый ригоризм кантианства коренится здесь – в чистоте и умозрительности идеи должного. Мышление о сущем в понятиях возможности, действительности и необходимости, по Канту, не дает знания о сущем, являясь лишь способом мышления о мире сущего именно в целом. А разум вправе решить и так, что «всему, что произошло согласно естественному ходу вещей и неминуемо должно было произойти по своим эмпирическим основаниям, не следовало произойти»⁸. Однако тот же разум понимает, что «невозможно, чтобы в природе нечто должно было существовать иначе, чем оно действительно

⁶ Апресян Р.Г. Проблема Другого в философии Аристотеля // Этическая мысль. 2014. Вып. 14. С. 84.

⁷ Соловьев Э.Ю. И. Кант: знание, вера и нравственность // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М., 1991. С. 184.

существует»⁹. Другими словами, «если иметь в виду только естественный ход событий, то долженствование не имеет никакой значимости»¹⁰, никакое «горизонтальное» мышление здесь неуместно. Однако же и «вертикаль» здесь вырастает иная. Ее параметры мы увидим, если реконструируем идеального читателя кантовской «Критики практического разума», которому адресуется его категорический императив.

Тезис о монологичности и отсутствии коммуникативной компоненты в рассуждениях И. Канта давно известен, коммуникативная ситуация его текстов может быть названа «коммуникативной автономией». Этот оксюморон здесь неизбежен, ибо и вопрос, и ответ формулирует автор, но спрашивающий и отвечающий при этом – два разных человека: «...двойная личность, которой должен мыслить себя человек, обвиняющий себя и судящий себя в собственной совести...»¹¹. В такой ауто-коммуникации есть именно внутреннее ситуативное неравенство, когда одна моя ипостась *выше* другой, поэтому может учить и наставлять. Оно оправдано моральным интересом, уважением к моральному вообще, в нем коренится самоуважение в ситуации само-вопросания, оно соединяет теоретический и практический разум, спрашивающего и отвечающего на вопрос «что я должен делать?» и позволяет разуму, как говорит сам Кант, «занимать должность судьи на основе врожденного авторитета»¹². На мой вопрос в качестве сущего человека даю ответ я же, но как ноуменальная личность, *носитель должного*. Ответ этот жесток и ригористичен – в форме императива-запрета, имеющего вид «поступай так» (человечество как цель) – «не поступай так» (человек как средство) – в этом кантианская «вертикаль».

Ее реализацию в области моих нравов И. Кант называет «эстетическим механизмом», постоянным самонаблюдением, и делится с нами результатами наблюдений за работой этого механизма в себе. Созерцающий свои нравы – реальный человек после получения ответа на вопрос «что я должен делать?», обладающий, как выражается Кант, «элеветерономией», «свободой внутреннего законодательства»¹³. В соответствии с ним частные правила или законы, под которые можно было бы подвести каждое мое жизненное решение, отсутствуют, и думающий человек каждый раз заново вынужден *самостоятельно* мыслить и *судить* о себе. Этой способностью к моральному самосуду автономная личность защищена от морализаторства и интеллектуального насилия, однако только тогда, когда человек осознал, что УЖЕ свободен и само-суден, если деонтологическая «вертикаль» исходит от него как представителя человечества (отвечающего) и проходит через него как индивида (спрашивающего).

Есть ли в кантианстве деонтологическая «горизонталь»? В этике уже нет, ибо «как положено» и «как заведено» здесь не довод и не обоснование для долженствования. Добро-делание в кантианстве – это лишенное жесткости и внешней нормативности «искусство делать добро», основанное

⁸ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 1.: Критика чистого разума. М., 2006. С. 717.

⁹ Там же. С. 713.

¹⁰ Там же.

¹¹ Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2. Метафизические основные начала учения о добродетели // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. Ч. 2. М., 2019. С. 149 (438–439).

¹² Там же. С. 151 (439–440).

¹³ Там же. С. 21 (377–378).

на умении и даже технике рефлексии собственных мотивов-нравов¹⁴. Иско-мая нами «горизонталь» в учении И. Канта перемещается в область права, там и появляется тот реальный, а не виртуальный Другой, в отношении его такой же (УЖЕ) свободы требуется строгость и меры обеспечения.

Дж. Бентам

«Деонтология» в качестве термина и учения принадлежит Дж. Бентаму, которого принято считать сторонником принципа утилитаризма, гласящего, что каждый индивид в жизни нацелен на то, что лучше и полезнее именно для него. Должное и долг Дж. Бентам понимает в практическом контексте, в рамках своей критической деонтологии. Критической она является потому, что общепризнанный основатель деонтологии как науки о морали основывает ее на критике самой идеи должного. «Должное» как понятие для него – это фикция, за которой не стоит никакая реальность, и Бентам демонстрирует его теоретическую инвалидность. Смысл выражения «должен» (*ought to*) он выводит из прагматики и помещает его, как он говорит, в «вокабуляр моралиста». Сама фигура моралиста, по Бентаму, противоречит единственному верному теоретическому принципу – «принципу пользы»: Бентам не говорит, что мы *должны* извлекать пользу, ведь природа УЖЕ позаботилась о нашем стремлении к благу для себя. Неправомерно и, главное, невозможно никого заставить делать то, что не входит в его интересы, а морализаторство бесполезно. Поэтому первопринципом практически-критической деонтологии Дж. Бентама является не утилитаризм, а принцип самостоятельности или «само-подсудности» в соответствии с которым, как пишет он, «каждый человек, будучи лучшим судьей самому себе в выборе линии поведения, наиболее способствующего достижению благополучия, будучи (при этом) зрелого возраста и здорового ума, должен в этом выборе быть предоставлен самому себе – дабы судить и действовать самостоятельно»¹⁵.

Когда, используя выражение *ought to*, какой-нибудь учитель жизни формулирует нам наши моральные обязанности (*obligations*), обязывает и связывает нас, он, по Бентаму, лишь следует своим желаниям и использует нас для их удовлетворения, навязывает нам свою волю. Появление этих обязанностей в дискурсе моралиста неясно и даже темно, критическая Бентамова деонтология призвана эту темноту развеять до конца, и она исчезнет вовсе, если «исправить» грамматику выражения *ought to* и использовать этот глагол только в первом лице единственного числа – «я должен». Тогда практическая часть деонтологии Бентама становится набором полезных советов по эффективной борьбе со всем тем, что нарушает мою «самосудность» и автономию, но не попадает под действие закона, поэтому требование оградить меня от любого вида *annoyance* легитимны. Бентам перечисляет длинный ряд нежелательного воздействия на меня, начиная с того, что мне неприятно видеть и слышать (поэтому мы, прилюдно чихая, просим прощения), кончая допросом (поэтому я могу отказать давая ответы) и назойливыми советами, о которых я них не просил.

¹⁴ Именно поэтому исследователями улавливается и эксплицируется, казалось бы, странная связь между кантианством и буддизмом.

¹⁵ *Bentham J. Deontology // Bentham J. Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism. Oxford, 1983. P. 251.*

Дж. Бентам корректирует коммуникативную ситуацию «моралист (Я, писатель) – индивид (Другой, читатель)», помещая ее в горизонтальную топологию. Метафора той роли, на которую он в качестве деонтолога согласен, – разведчик, охотник (*scout*), который «обременил себя поисками последствий»¹⁶ дел человека и их связей с причинами. Ее он дополняет образом службы (*service*), которую «разведчик-моралист» оказывает, делясь результатами своих поисков с другими: «...на пользу тем, кто чувствует, что расположен принять его служение...»¹⁷. Бентамов консеквенциализм, таким образом, не является теоретическим принципом, а подсчет последствий поступков как услуга – это, по Бентаму, главное дело практического деонтолога, который взялся помочь мне понять, какое действие отвечает моим интересам, то есть ответить себе на вопрос «что я должен делать». Действительно: все ли могут просчитать последствия своих решений? не лучше ли с вопросом «что я должен делать» обратиться к специалисту? И не в Бентамовой ли «анти-деонтологической терапии» корни целой инфраструктуры практикующих нынче индивидуальных психологов и т.н. «лайф-коучей»? Можно ли, следуя его установке, освободить и философию от деонтологии?

Долженствование и дискурс

Если признавать моральную составляющую философии, если ждать от нее действенности или прагматики, то нельзя. Именно невозможность «убрать» из философского дискурса идею должного и долженствование как выражение этой идеи делает из него то, что А.А. Гусейнов назвал «этическим проектом»: этика как практическая философия – это часть философии, но при этом вся философия имеет этическую «нацеленность» и «моральный пафос», а этика, по его мнению, это «один из основных каналов выхода философии в повседневную и общественную жизнь»¹⁸. «Неизбежность долженствования» – так можно выразить мысль о моральной нацеленности философского дискурса. Его полнота обеспечивается неперменным сочетанием теоретической, познающей части с тем, что мы называем практической философией, дело которой – быть не прикладным дополнением к теории, а быть особым – моральным – обоснованием моих действий. Если так, если только сочетание теоретического и практического обеспечивает полноту философского дискурса, его автономию и нередуцируемость, то это сочетание осуществляется в идее должного. Идеи – результат не познавательного «горизонтального» различения, а нормативного «вертикального», имеющего действенное значение. Они выводят познающего субъекта на границу его полномочий, за ней мировоззрение сменяется *мироотношением*, где завязывается целеполагание и выстраивается практический мир целей. Именно мироотношение преобразует дескрипцию в проскрипцию, а истину в норму, и именно ответ на вопрос о смысле («что все это значит?») определяет субъекта долженствования. Если он мыслит мир должного вообще, «просто» должное (*ἀπλόος* Аристотеля), то возможны только два типа *рефлексивных*

¹⁶ Bentham J. Deontology. Oxford, 1983. P. 251.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3 (67). С. 11.

действий по отношению к миру – *принятие* или *отвержение*. Отвержение как тип рефлексии реализуется в качестве созерцательно-теоретического «долженствовании бытия», принятие – в этически-действенном «долженствовании действия». Должно ли быть все, что есть, или так не должно быть? Принимаю ли я так устроенный мир или вижу необходимость его преобразования? Что должно делать в так устроенном мире? Роль и значение ответов на эти вопросы трудно переоценить, их прагматика позволяет видеть в долженствовании основу целеполагания, своеобразную «телеотетику».

Признается ли это базовое различие между сущим и должным в других культурах? Не ошибусь, если скажу, что «вертикальное» различие и необходимость постоянного сопряжения этих рядов моральным субъектом, находящим себя «жителем» *одновременно двух миров*, – *исключительно европейский способ мыслить*. Практическая философия в нем – не особый вид познания, а, скорее, само дело, деятельность, практика, имеющая деонтологический исток. Он – в неизбежности ответа на вопрос о том, как соединить несоединимое: относительное и абсолютное, необходимость и свободу. Поэтому в наши дни так актуален компатибилизм, способный прояснить не всегда понятное сочетание «должен» и «могу»: какой смысл в «должен», если «не могу», за что несу ответственность, а что детерминировано? «Концепцию, которая смогла бы совместить моральную ответственность и принцип каузальной замкнутости физического при допущении нефизического характера ментальных состояний, можно назвать “ультракомпатибилизмом”. Я не считаю этот проект бесперспективным», – справедливо полагает В.В. Васильев¹⁹.

Современность и деонтология

Как и метафизика, деонтология в философии в наши дни подобна чехмодану из анекдота – «и нести тяжело, и бросить жалко». Вместе с тем явственно слышится ностальгия по утраченному, точнее, превратившемуся в обломки идеалу гармонии в условиях полисной «койнонии», выстроенному Аристотелем. Провал проекта Просвещения «сам по себе был не чем иным, как историческим событием, последовавшим за отвержением аристотелевской традиции», – пишет А. Макинтайр²⁰. И именно поэтому, по его мнению, «современная мораль и практика могут быть поняты только в качестве ряда фрагментарных пережитков прошлого», а «деонтологический характер моральных утверждений представляет собой призрак концепции божественного закона»²¹. В этом же духе К. фон Фритц, рассуждая о роли аксиологии в наш век исчезнувших божественных моральных санкций, говорит, что даже реконструкция основ аристотелевской «антропологической этики» сама по себе чрезвычайно важна в деле радикальной критики современных аберраций в сфере морали²².

¹⁹ Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 73.

²⁰ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.; Екатеринбург, 2000. С. 164.

²¹ Там же. С. 154.

²² Fritz K. von. Aristotle's Anthropological Ethics and its Relevance to Modern Problems // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42. No. 2. P. 205.

Гармоничный идеал, в котором соединяются «горизонтальное» (как следует) и «вертикальное» (как должно) долженствование, эта основа учения Стагирита, в наше время исчез, и ностальгия здесь бессмысленна. С трудом понятны сейчас кантовский ригоризм и патетика в отношении чувства долга и той вертикали, которая возвышает человека над самим собой. Классический Бентамов утилитаризм вступил в сложные отношения с практикой психотерапевта, а деонтология как эксплицированное размышление о должном постепенно редуцируется к серии профессиональных деонтологий с ясно выраженной тенденцией к формализации, к выработке конвенциональных уставов, кодексов, свода правил и проч. Другими словами, «горизонтальное» в рефлексии должного сейчас преобладает.

Философской деонтологии в наши дни нет, а неизбежное *долженствование* приобретает причудливые формы. Например, в виде «деонтологического эвдемонизма», тезиса о том, что деонтология и эвдемонизм не противоречат друг другу, а их противопоставление – результат длинной серии философских ошибок²³. Или в виде соединения деонтологии со стоицизмом²⁴, на которое, думаю, надо обратить особое внимание с учетом интереса к стоицизму как источнику долженствования со стороны представителей IT-сферы – современной интеллектуальной элиты. Специалисты полагают, что потенциал членов этой группы «транслировать позитивные ценности и модели поведения в другие социальные группы» и «быть агентами социокультурной модернизации общества» можно считать значительным²⁵. И востребованными в этой среде оказались поучения римского раба и императора, предлагавших различать, что в твоей власти и что не в твоей власти, удерживать это различие в своих мыслях, смиряться с ним, достигая равнодушия к *отвергнутому*. Вполне в духе призыва Ж. Делёза стать на одну треть стоиком, на одну треть Л. Кэрроллом и на одну треть дзен, современные поклонники Сенеки и Марка Аврелия обнаруживают глубокое родство между стоицизмом и буддизмом²⁶, способным научить такому самоощущению, без которого невозможен успех в жизни. Так трезвый пессимизм, отсутствие надежд на улучшение мира и смесь психологии, медитаций и стоицизма становятся своеобразной терапией, способной дать основания новой, как пишут в Хабре²⁷, этики «богатых и влиятельных»²⁸.

²³ Grenberg J. Deontological Eudaemonism // The Court of Reason. Proceedings of the 13th International Kant Congress (Oslo, 5–9 August, 2019). P. 55. URL: https://www.hf.uio.no/ifikk/english/research/news-and-events/events/guest-lectures-seminars/norwegian-kant-society/2019/the-international-kant-congress/Program/book_of_abstracts-4.8.pdf (дата обращения: 14.07.2021).

²⁴ Visnjic J. The Invention of Duty: Stoicism as Deontology. Leiden; Boston, 2021.

²⁵ Мерзляков С.С. Ценностные ориентации российских IT-специалистов: пилотное исследование // Информационное общество. 2021. № 2. С. 2.

²⁶ Macaro A. More Than Happiness: Buddhist and Stoic Wisdom for a Sceptical Age. L., 2018.

²⁷ «Хабр» – крупнейший в Европе ресурс для IT-специалистов.

²⁸ Палмер А. Притягательность стоицизма для богатых и влиятельных. URL: <https://habr.com/ru/post/504016/> (дата обращения: 10.07.2021).

Отвержение

Позицию отвержения можно назвать проявлением созерцательно-потребительского мироотношения или своеобразным *эстетизмом*. «В мире не так, как должно быть» – таков его основной тезис, он выражает целый набор «претензий», предъявляемых и даже вменяемых мной существу, а должное здесь становится отражением этих претензий. Термин «эстетизм», определивший в конечном счете тематику этой статьи, в данном контексте имеет попперовские коннотации, но П.П. Гайденко придала этому термину более глубокий смысл: ядро эстетизма как жизненной позиции, по Гайденко, состоит в том, что эстетик всегда для самого себя самый интересный человек, а поэтому он никогда не может принять «трансцендентную реальность другой личности»²⁹. Такое мироотношение чревато трагедией, которую Пиамма Павловна назвала *трагедией эстетизма*. В ней можно разглядеть корни и пресловутого индивидуализма, и социальных экспериментов, и даже целого комплекса экологических проблем. «Трагедийность» эстетистской философии может выражаться, например, в аксиологическом *элитизме*, адресованном особо «ценностно-зрячим личностям» (Н. Гартман), или в обращенной к широким народным массам программе *революции*, призывающей к переустройству мира (К. Маркс). А революционная идея жива и в наши дни.

Например, как идея *интеллектуальной революции*. Призыв к изменению мышления не нов, но Реза Негарестани, философ иранского происхождения, пишущий по-английски, говорит о таком перевороте в деятельности интеллекта, при котором он начинает работать по модели компьютерной программы. Не наоборот! Начиная с тезиса о том, что современная академическая философия – это «болото» и «праздность мысли», он переходит к предложению действовать, то есть играть «в мир», в его пере-создание (блог Негарестани “*You philosophy*”) или пере-сборку, а затем к мысли о необходимости реализовать единственный реальный вид равенства – равенство в мышлении. Философское болото осушить трудно, требуется *аскетизм* – превращение философии в работающую программу, и *труд* – ответ интеллекта на конкретные вопросы: что это за программа, на каком эксперименте и с каким операциональным эффектом³⁰. Дело философии (ремесло, *craft*) Негарестани называет «принуждением к мышлению» (*the compulsion to think*) и делает его, соединяя кантовскую дедукцию чистых рассудочных понятий, гегелевское учение о Разуме, учение Платона о Благе и теорию программирования. В итоге получилась *процессуальная интерпретация европейского рационализма*, действенный призыв к деколонизации мышления: «...мы разорвем западную философию и построим философию заново; мы превратимся в того мыслящего и интригующего Другого, которого западная мысль имела полное право бояться», – пишет философ-программист³¹. Это «принуждение к мысли» или, по его выражению, «яд» нового мышления он распространяет с помощью долженствования – на сей раз *долженствования мышления* используя модальный глагол *ought to* в первом лице, но множественного числа, говоря, о чем и как **МЫ** должны

²⁹ Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М., 1997. С. 128.

³⁰ Negarestani R. Intelligence and Spirit. L.; N.Y., 2018. P. 407.

³¹ Ibid. P. 410.

мыслить. Такая новая – не полисная, а глобальная, не дружественная, а объединенная общими показателями эффективности (*kpi*), не аристократическая, а инженерная общность – это коллектив креативных программистов (или *Artificial General Intellect*), который ставит себе целью не создать Совершенное, а постоянно создавать Лучшее: «...можешь ли ты создать что-либо, лучшее, чем ты?»³² – спрашивает Негарестани в духе нищестанства эпохи *AI*.

Принятие

Это рефлексивное действие легче, не требует теоретической зоркости и способности осознать бессмыслицу мира, но его труднее осуществить, так как оно тоже требует от мышления скромности и аскезы, но другого рода. Философия В. Соловьева как истинно «нравственный проект» начинается с восстановления того, что для современного эстетизма оказалось разомкнутым – *целостности*. Данная каждому в интуиции и со всей очевидностью, она позволяет видеть уместность всего сущего и генезис всякого должного, понимать, что достойное, должное и доброе есть одно, соединять в себе и «вертикаль» (как должно), и «горизонталь» (как следует). А главное, видеть смысл и дискурсивную топологию долженствования как источника целеполагания, тогда единственно верную формулу решения деонтологической проблемы человеку может подсказать его совесть. Эта формула в работе «Оправдание добра» звучит предельно просто: «Ты должен, значит, ты можешь»³³ или «...это должно, а потому и может быть сделано»³⁴. Простота этой формулы кажущаяся, так как требует от меня трудного отказа от «вмещения» миру несовершенства и наделяет меня и ответственностью, и полномочиями по реализации должного. Эта формула – не пресловутая «теорема Томаса», по которой «ситуации, определенные людьми как реальные, реальны по своим последствиям», не описывает механизм конструирования будущего, не создает его образ в виде утопии-нарратива. Она заметно укорачивает (или даже ликвидирует) сущностный разрыва, между сущим и должным. Не это ли является вековой мечтой европейской философии? Для ее реализации требуется понять «заемность» должного, когда то, что есть у меня, мне не принадлежит и когда адекватное отношение к нему состоит в готовности в любой момент отдать другому по праву. Сколь трудно это сделать практически, зависит только от меня, ведь гораздо легче осуществлять критику моральных суждений и языка этики или заниматься морализаторством.

Список литературы

- Апресян Р.Г. Проблема Другого в философии Аристотеля // Этическая мысль. 2014. Вып. 14. С. 65–86.
- Аристотель. Никомахова этика / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской // Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 53–295.
- Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 64–76.

³² *Negarestani R. Intelligence and Spirit. P. 473.*

³³ *Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 235.*

³⁴ Там же. С. 356.

- Гайдено П.П. Прорыв к трансцендентному: новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. 495 с.
- Гусейнов А.А. Философия как этический проект // Вестник Российского философского общества. 2013. № 3 (67). С. 11–16.
- Зубов В.П. Аристотель. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 368 с.
- Кант И. Метафизика нравов. Ч. 2: Метафизические основные начала учения о добродетели / Пер. с нем. А.К. Судаков // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5. Ч. 2. М.: Канон+, 2019. С. 15–261.
- Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 2. Ч. 1: Критика чистого разума / Пер. с нем. М.: Наука, 2006. 936 с.
- Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000. 384 с.
- Мерзляков С.С. Ценностные ориентации российских IT-специалистов: пилотное исследование // Информационное общество. 2021. № 2. С. 2–10.
- Палмер А. Притягательность стоицизма для богатых и влиятельных / Пер. с англ. В. Фролова. URL: <https://habr.com/ru/post/504016/> (дата обращения: 14.07.2021).
- Соловьев В.С. Оправдание добра // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 47–580.
- Соловьев Э.Ю. И. Кант: знание, вера и нравственность // Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. С. 167–185.
- Bentham J. Deontology // Bentham J. Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 119–281.
- Fritz K. von. Aristotle's Anthropological Ethics and its Relevance to Modern Problems // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42. No. 2. P. 187–207.
- Grenberg J. Deontological Eudaemonism // The Court of Reason. Proceedings of the 13th International Kant Congress (Oslo, 5–9 August, 2019). P. 55. URL: https://www.hf.uio.no/ifikk/english/research/ru/news-and-events/events/guest-lectures-seminars/norwegian-kant-society/2019/the-international-kant-congress/Program/book_of_abstracts-4.8.pdf (дата обращения: 14.07.2021).
- Lebedev A.V. Aristotle against Aristotle? The Reconsideration of the Theory of moral Virtue in EN 6 // Proceedings of the 1st International Conference: «Ethics and Politics» (24–28 May 2006, Venetian Basilica of St. Mark, Heraklion, Crete, Greece). URL: <http://www.poieinkaiprattein.org/philosophy/philosophy-challenging-usual-equations-of-ethics-and-politics/abstracts-2/> (дата обращения: 15.07.2021).
- Lebedev A.V. Idealism (mentalism) in Early Greek metaphysics and philosophical theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and others (with some remarks on the «Gigantomachia about being» in Plato's Sophist // Indo-European Linguistics and Classical Philology. 2019. Vol. XXIII. Pt. 2. P. 651–705.
- Macaro A. More Than Happiness: Buddhist and Stoic Wisdom for a Sceptical Age. L.: Icon Books, 2018. 213 p.
- Negarestani R. Intelligence and Spirit. L.; N.Y.; Urbanomic x Sequence Press, 2018. 579 p.
- Visnjic J. The Invention of Duty: Stoicism as Deontology. Leiden; Boston: Brill, 2021. 174 p.

On deontology, duty and aestheticism*

Lora T. Ryskeldiyeva

Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: ryskeldieval@gmail.com

The article raises the question of the place and role of deontology in philosophical discourse. In the works of the classics of deontological thought, we find different answers to

* The work was supported by a grant of Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00622 “Philosophy as action: the pragmatics of textual conduct”.

this question: Aristotle understands δέοντος in the broadest context and seeks to combine “should be” (correct, established, “horizontal”) and “ought to be” (corresponding to the model, the will of God, “vertical”); in the Kantian doctrine, duty-Pflicht as a vertical elevates a person above herself; J. Bentham criticizes the idea of duty as a fiction, “ought to” is criticized as an expression of violence and lays the foundations for consequentialism. The author of the article puts forward the thesis about the “inevitability of obligation”, that is, the non-eliminativity of expressions of obligation from philosophical discourse: they play an effective role, transforming worldview into world-attitude, theory into practice, description into proscription. The ought to be (“should be”) expresses the type of attitude that can be called “rejection” and can be seen to reveal the basis of what P.P. Gaidenko called “the tragedy of aestheticism” or the result of a contemplative and theoretical attitude to the world. It is characteristic of modernity, which does not abandon plans to transform (and nowadays technocratic “reassembly”) the world. The possibility of such a world attitude is a distinctive feature of European philosophy, founded by the insurmountable gap between what is and what is due. The duty of action (“ought to do”) is associated with the world-attitude as “acceptance” and a cardinal positive solution to the problem of the correlation between “ought to” and “can”.

Keywords: duty, deontology, philosophical discourse, teleology, Aristotle, I. Kant, J. Bentham, P. Gaidenko, stoicism, intellectual revolution

For citation: Ryskeldiyeva, L.T. “O deontologii, dolzhenstvovanii i estetizme” [On deontology, duty and aestheticism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2022, Vol. 15, No. 1, pp. 147–160. (In Russian)

References

- Apressyan, R.G. “Problema Drugogo v filosofii Aristotelya” [The Problem of the Other in Aristotle’s Philosophy], *Eticheskaya mysl’ / Ethical Thought*, 2014, No. 14, pp. 65–86. (In Russian)
- Aristotle. “Nikomakhova etika” [Ethica Nicomachea], trans. by N.V. Braginskaya, in: Aristotle, *Sochineniya* [Works], Vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1984, pp. 53–295. (In Russian)
- Bentham, J. “Deontology”, in: J. Bentham, *Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism*. Oxford: Clarendon Press, 1983, pp. 119–281.
- Fritz, K. von “Aristotle’s Anthropological Ethics and its Relevance to Modern Problems”, *Journal of the History of Ideas*, 1981, Vol. 42, No. 2, pp. 187–207.
- Gaidenko, P.P. *Proryv k transtsendentnomu: novaya ontologiya XX veka* [Breakthrough to the Transcendent: A New Ontology of the twentieth century]. Moscow: Respublika Publ., 1997. 495 pp. (In Russian)
- Grenberg, J. “Deontological Eudaemonism”, *The Court of Reason, Proceedings of the 13th International Kant Congress (Oslo, 5–9 August, 2019)*, p. 55 [https://www.hf.uio.no/ifikk/english/research/news-and-events/events/guest-lectures-seminars/norwegian-kant-society/2019/the-international-kant-congress/Program/book_of_abstracts-4.8..pdf, accessed on 14.07.2021].
- Guseinov, A.A. “Filosofiya kak eticheskii proekt” [Philosophy as an Ethical Project], *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*, 2013, No. 3 (67), pp. 11–16. (In Russian)
- Kant, I. “Metafizika nravov. Ch. 2. Metafizicheskie osnovnye nachala ucheniya o dobrodeteli” [Die Metaphysik der Sitten, Teil 2: Metaphysische Anfangsgründe der Tugendlehre], trans. by A.K. Sudakov, in: I. Kant, *Sochineniya na russkom i nemetskom yazykakh*, [Works], Vol. 5, Pt. 2. Moscow: Kanon+ Publ., 2019, pp. 15–261. (In Russian)
- Kant, I. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazykakh, T. 2, Ch. 1: Kritika chistogo razuma* [Kritik der reinen Vernunft]. Moscow: Nauka Publ., 2006. 936 pp. (In Russian)
- Lebedev, A.V. “Aristotle against Aristotle? The Reconsideration of the Theory of moral Virtue in EN 6”, *Proceedings of the 1st International Conference: Ethics and Politics (24–28 May 2006, Venetian Basilica of St. Mark, Heraklion, Crete, Greece)* [http://www.

- poieinkaiprattein.org/philosophy/philosophy-challenging-usual-equations-of-ethics-and-politics/abstracts-2/, accessed on 15.07.2021].
- Lebedev, A.V. "Idealism (mentalism) in Early Greek metaphysics and philosophical theology: Pythagoras, Parmenides, Heraclitus, Xenophanes and others (with some remarks on the 'Gigantomachia about being' in Plato's Sophist", *Indo-European Linguistics and Classical Philology*, 2019, Vol. XXIII, Pt. 2, pp. 651–705.
- Macaro, A. *More Than Happiness: Buddhist and Stoic Wisdom for a Sceptical Age*. London: Icon Books, 2018. 213 pp.
- Macintyre, A. *Posle dobrodeteli: Issledovaniya teorii morali* [After Virtue. A Study of Moral Theory], trans. by V.V. Tselishchev. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.; Ekaterinburg: Delovaya kniga Publ., 2000. 384 pp. (In Russian)
- Merzlyakov, S.S. "Tsenostnyye orientatsii rossiiskikh IT-spetsialistov: pilotnoe issledovanie" [Value Orientations of Russian IT Specialists: A Pilot Study], *Informatsionnoe obshchestvo*, 2021, No. 2, pp. 2–10. (In Russian)
- Negarestani, R. *Intelligence and Spirit*. London; New York: Urbanomic x Sequence Press, 2018. 579 pp.
- Palmer, A. *Prityagatel'nost' stoitsizma dlya bogatykh i vliyatel'nykh* [Stoicism's Appeal to the Rich and Powerful], trans. by V. Frolov [<https://habr.com/ru/post/504016/>], accessed on 15.07.2021]. (In Russian)
- Solovev, E.Yu. "I. Kant: znanie, vera i нравственность" [I. Kant: Knowledge, Faith, Morality], in: E.Yu. Solovev, *Proshloe tolkuet nas (Ocherki po istorii filosofii i kul'tury)* [The Past interprets Us. Essays on the History of Philosophy and Culture]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 167–185. (In Russian)
- Solovev, V.S. "Opravdanie dobra" [The Justification of the Good], in: V.S. Solovev, *Sochineniya* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 47–580. (In Russian)
- Vasilyev, V.V. "V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma" [In Defense of Classical Compatibilism], *Voprosy filosofii*, 2016, No. 2, pp. 64–76. (In Russian)
- Visnjic, J. *The Invention of Duty: Stoicism as Deontology*. Leiden; Boston: Brill, 2021. 174 pp.
- Zubov, V.P. *Aristotle*. Moscow: URSS Publ., 2000. 368 pp. (In Russian)